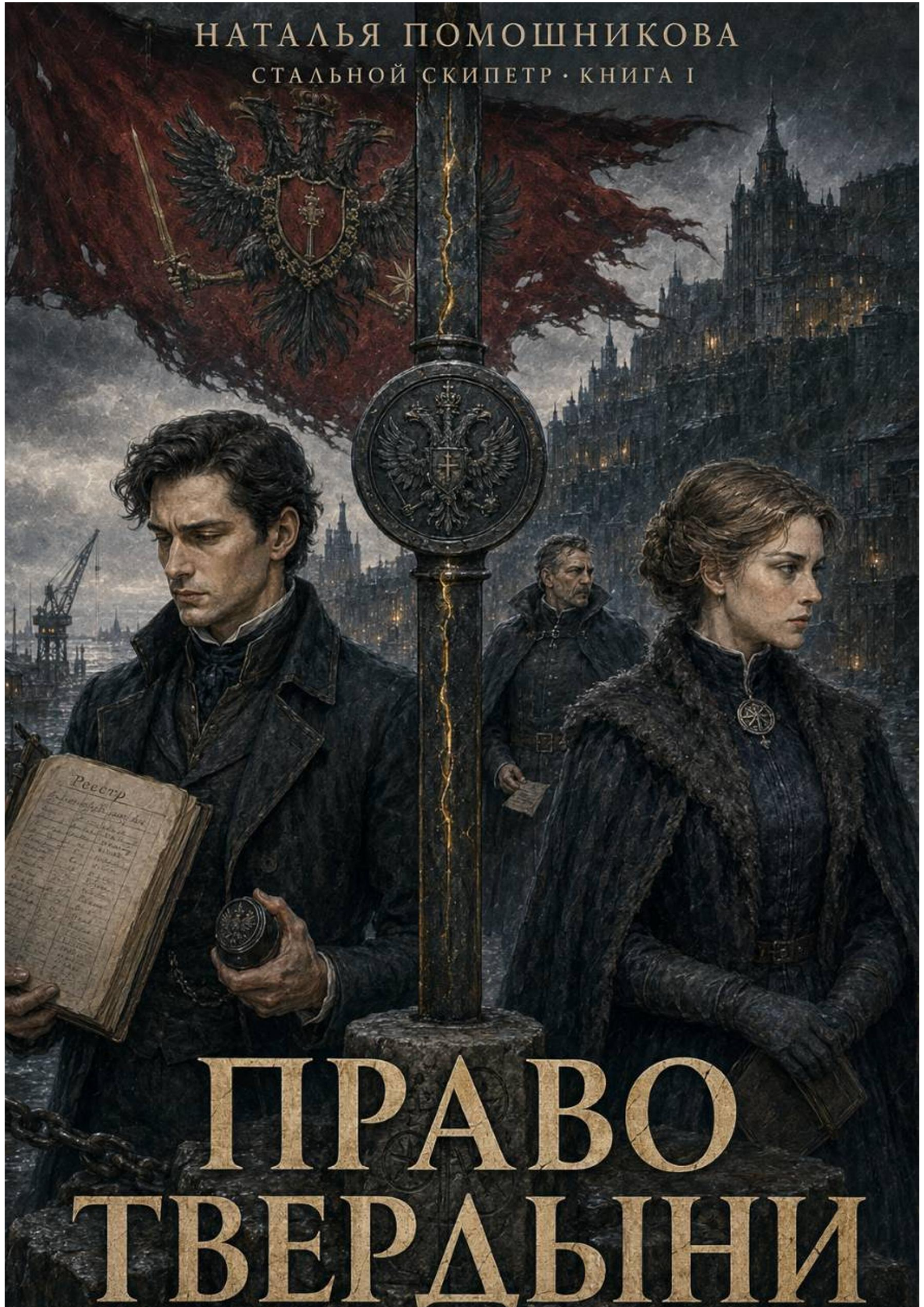

НАТАЛЬЯ ПОМОШНИКОВА

СТАЛЬНОЙ СКИПЕТР · КНИГА I

ПРАВО ТВЕРДЫНИ

Наталья Помошникова

Право твердыни

«Автор»

2026

Помошникова Н.

Право твердыни / Н. Помошникова — «Автор», 2026

Норланн покорён мечом. Теперь Империя хочет закрепить победу законом. В Твердыню прибывает Артём Кассин — лучший ученик императора и новый наместник. Он уверен: единые меры, открытый суд и точные реестры способны остановить произвол победителей. Но каждый документ, созданный для защиты жителей, столица превращает в опись для конфискации.

Черностальные печати признают два несовместимых права, а великий дом Вейр уже делит рудники, землю и солдатские долги. Анна Норрская, наследница погибшего князя, должна сохранить голос страны и не позволить сопротивлению стать новым террором. Генерал Траунс — вывести армию, не предав последнего обещания побеждённым. Чтобы спасти Твердыню, Артёму и Анне придётся довериться друг другу. Но для него это означает восстать не против закона — а против тех, кто говорит от его имени.

Содержание

Глава, в которой чиновник прибывает в захваченный город	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Наталья Помошникова

Право твердыни

Глава, в которой чиновник прибывает в захваченный город

*«Корабль принёс не золото и
не хлеб —
Он приволок хозяина для этих земель»
Из норрской портовой баллады «Чужой парус»*

Артем Кассин

Право управлять Норланном помещалось у Артёма на ладони.

Печать была меньше, чем он ожидал: круг чернотали в два пальца шириной, без драгоценных камней, с императорским скипетром на лицевой стороне и новым, ещё непривычным титулом на обороте. АРТЁМ КАССИН, НАМЕСТНИК И ГУБЕРНАТОР НОРЛАННА. Буквы казались вырезанными не в металле, а в самой его черноте.

К печати прилагались право назначать судей, распоряжаться провинциальной казной, принимать присяги и утверждать смертные приговоры. Вместе с ними — обязанность сохранить страну, которой ещё семь месяцев назад не существовало на имперских картах как провинции.

Артём сжал пальцы. Черноталь ответила едва ощутимым теплом.

Корабль пересёк невидимую границу Норланна.

По ободу печати проступила серебристая нить, обежала почти полный круг и остановилась, не соединившись сама с собой. Остался разрыв толщиной с волос.

— Не замкнулась, — сказал за его плечом Илар Кест.

Главный писец стоял, прижимая к груди дорожную папку, словно ветер мог похитить из неё не бумаги, а само назначение Артёма. Его обычно гладкие волосы растрепало морской сыростью.

— Портовые якоря повреждены, — ответил Артём. — Или гражданский реестр ещё не связан с городской плитой.

— Военная печать генерала действует, насколько я знаю.

— Военная власть всегда устраивается быстрее гражданской.

Он вложил печать в кожаный футляр. Этот едва заметный разрыв не был отказом. Всего лишь незавершённая регистрация, одна из сотен мелких неисправностей, которые ждали его на берегу. Для этого император и послал его в Норланн: соединить разрозненные приказы в систему, заменить оккупацию управлением, а страх — предсказуемостью закона.

Твердыня, столица новой провинции Империи, возникала из тумана медленно, будто не желала показываться победителям целиком.

Сначала обозначились два чёрных мыса. Между ними провисали остатки морской цепи, разорванной во время штурма. Затем из серой воды выросли стены нижнего города: мокрые, исполосованные копытю, с прямоугольниками свежей кладки там, где имперские камни пробивали укрепления. На башнях висели новые стальные знамёна. Ветер прижимал их к древкам, и с моря казалось, будто Империя не водрузила свой знак над городом, а набросила на него мокрую ткань.

Выше теснились крыши среднего пояса. Ещё выше, на скале, стояла княжеская цитадель — массивная, неровная, вырубленная из той же породы, что и утёс. Южные архитекторы никогда не одобрили бы её пропорций. Слишком мало окон, слишком тяжёлые стены, башни разных времён и высоты. Она не была красивой — она была упрямой.

Артём мысленно разделил увиденное на работы: восстановить восточный мол, расчистить два сгоревших склада, проверить водостоки верхнего города, убрать военные кухни с рыночной площади, открыть гражданский суд до начала летних торгов. Стены можно ремонтировать поэтапно, гавань — прежде казарм. Если порт успеет принять зерновые корабли с материка до осенних штормов, город переживёт зиму без новых чрезвычайных мер.

Последствия продовольственной блокады были значительными, но устранимыми.

На пристанях уже двигались люди. Краны поднимали грузы, рыбацкие лодки тянулись к выходу из бухты, из труб поднимался дым. Твердыня не умерла. Следовательно, её можно было восстановить.

— Ни единого удара в колокола, — сказала Эльза.

Она подошла бесшумно, хотя палуба вздрагивала под ударами волн. На ней было тёмно-синее дорожное платье без столичной вышивки и меховой плащ, слишком лёгкий для северного ветра. Дом Вейр научил своих дочерей выглядеть уместно в любых обстоятельствах, кроме тех, в которых уместнее было бы отсутствовать.

Артём посмотрел на город ещё раз.

— После осады колокола могли снять.

— Тогда били бы в железо. Или стреляли из сигнального орудия. Или хотя бы выставили на молу людей, которым приказано радоваться.

На главной пристани стояли две шеренги солдат. За ними — несколько чиновников и грузчиков. Ни местной знати, ни храмовых служителей, ни представителей ремесленных Очагов Норланна Артём не увидел.

— Возможно, генерал решил избавить нас от пустой церемонии.

— Генерал избавил себя от необходимости изображать, что передаёт тебе покорённую страну.

Эльза поправила перчатку. Её взгляд прошёлся по стенам, башням, редким фигурам на крышах.

— Дело не в колоколах, Артём. Город оказывает тебе первую услугу, — продолжила жена. — Сразу показывает, чего стоит императорское назначение, если здесь некому исполнять твои приказы.

— Исполнители найдутся. Признание власти приходит не со звоном колоколов. Оно приходит, когда работают суды, на рынках есть хлеб, а на улицах не убивают.

— Чтобы всё это устроить, тебе сначала понадобятся люди, которые уже признают твоё право ими командовать.

Артём снова посмотрел на безмолвную пристань.

— Значит, начну с них.

Эльза не стала спорить. Это было хуже возражения: она лишь улыбнулась уголком рта, словно услышала знакомую формулу и заранее знала, в каком месте она даст трещину.

На баке крикнул вахтенный. Корабль сбавил ход.

Из тумана наперерез им выходила низкая баржа. На короткой мачте висел приспущенный служебный флаг. Под парусиной вдоль борта угадывались вытянутые, бездыханные человеческие тела.

Илар перестал удерживать папку обеими руками.

— Похоже, церемонию всё-таки приготовили, — тихо сказала Эльза.

С баржи пахло мокрой шерстью, речным илом и сладковатой гнилью.

Её командир представился капитаном Мареком Данном. Он говорил на имперском языке без заметного акцента, но имя произнёс по-северному — с коротким ударением, почти проглотив последнюю согласную. Капитан был моложе, чем ожидал Артём, и выглядел старше, чем должен был: обветренное лицо, красные от недосыпа глаза, на плаще следы известковой пыли.

— Мы не знали, что войдём в фарватер одновременно с вами, господин губернатор, — сказал он. — Тела нашли у северной отмели. Генерал приказал доставить их в гарнизонную лекарню.

— Кто погиб?

— Ревизор казённых поставок и пятеро охраны.

— Имя ревизора?

— Мартен Гесс.

Артём вспомнил дело: сорок два года, служба в Палате мер, два расследования против портовых сборщиков на юге, ни одного влиятельного родственника. Подходящий человек для проверки, которую в столице считали незначительной.

— Причина смерти?

— Нападение мятежников. По предварительному заключению.

Слова прозвучали слишком гладко для заключения, сделанного на рассвете.

— Кто его составил?

Капитан выдержал короткую паузу.

— Дежурный писарь при комендатуре.

— Он осматривал тела?

— Нет, господин губернатор. Доклад составили по сообщению разъезда.

Артём посмотрел на Илара. Тот уже раскрыл папку и записывал.

— Снимите парусину.

Данн отдал приказ.

Первым лежал ревизор. Вода обесцветила его лицо и расправила складки одежды, отчего труп казался аккуратно подготовленным к представлению. На безымянном пальце осталось тонкое обручальное кольцо. Кошель висел на поясе. Рядом с ним — связка обычных ключей. Сапоги были хорошими и почти новыми.

Государственной печати не было.

На груди ревизора сохранилась серебряная цепь. Последнее звено не разогнулось и не лопнуло: его перекусили или перерубили одним точным движением. На указательном и среднем пальцах правой руки чернел состав, которым проявляли оттиски на регистрационных листах.

Артём присел. От тела тянуло холодом, но хуже холода была будничность мелких подробностей: кольцо, надорванный ноготь, прилипшая к рукаву нитка красной шерсти. В деле Палаты мер этот человек занимал бы половину строки. Здесь он занимал почти всю ширину баржи.

— Где его дорожный реестр?

Данн указал на раскрытый деревянный футляр. Внутри плескалась вода. Листы либо смыло, либо забрали.

— Оружие охраны? Деньги? Плащи?

— Всё при них.

— Значит, мятежники не нуждались ни в оружии, ни в деньгах, ни в тёплой одежде.

— Некоторые группы убивают ради устрашения.

— Тогда оставляют тела там, где их увидят.

Данн перевёл взгляд на серую воду.

— Течение могло снести лодку.

— Могло.

Артём не собирался спорить с капитаном. Предварительные объяснения полезны тем, что показывают не истину, а направление, в котором кто-то желает её искать.

Он осмотрел остальные тела. У одного стражника была рассечена ладонь, у другого под воротом темнела узкая колотая рана. Никаких оставленных повстанческих знаков, ритуальных порезов или надписей. Обычные убитые люди, которых уже успели превратить в подтверждение удобной версии.

— Чужую государственную печать использовать нельзя, — сказал Данн, будто отвечая на невысказанный вопрос. — Она не признает новую руку.

— При обычных условиях, — отозвался Илар. — Но в ней сохраняется след последних заверенных действий. Пока её не переплавили.

Артём поднялся.

Печать ревизора давала право входить в казённые склады, требовать накладные, опечатывать книги и временно останавливать отгрузки. Украсть её ради этих полномочий было бессмысленно: без нового связывания черноталь осталась бы мёртвой. Но уничтожить её значило уничтожить часть проверки.

— Если её нельзя использовать, — сказала Эльза, не приближаясь к телам, — возможно, кому-то было важно, чтобы её больше никогда не исследовали.

Данн взглянул на неё впервые. Не на платье и не на лицо — на герб Вейров, едва заметный на застёжке плаща.

Эльза это увидела. Артём тоже.

— Кто знал маршрут ревизора? — спросил он.

— Комендатура, управление рудников, портовая стража. Возможно, казначейство.

— Значит, весь город и половина провинции.

— Примерно так, господин губернатор.

Артём повернулся к Илару.

— Тела доставить не в гарнизонную лекарню, а в помещение при гражданском суде. Одежду не снимать, раны не очищать, личные вещи переписать при двух писарях. Запросите маршрут, список проверенных складов и имена тех, кто выдавал ему проводников. Портовые журналы копировать до того, как мы потребуем оригиналы.

Илар записывал быстро, не переспрашивая.

— Отдельно установить, кто регистрировал его полномочия и когда печать отвечала в последний раз. Об исчезновении печати — никому, кроме генерала.

Данн нахмурился.

— В комендатуре уже знают.

— Тогда никому, кто ещё не знает.

— А предварительное заключение?

— Не публиковать.

— В городе ждут ответа.

— Город получит ответ, когда у нас будет что-то большее, чем «те, кого удобнее обвинить».

Капитан отдал честь. Движение было правильным, но на долю мгновения запоздало. Не дерзость — переоценка человека, которого он ожидал увидеть.

Артём вернулся на имперский корабль. Баржа отвалила к берегу. Когда расстояние между судами увеличилось, парусина снова закрыла мёртвых, но сладковатый запах ещё некоторое время держался над водой.

В папке ревизор был одной строкой. Артём поймал себя на том, что запомнил его кольцо. Он назвал это полезной наблюдательностью.

Лорд Траунс Валенсий ждал у причала в старом походном плаще.

Никакого золота, парадных лат и свиты победителя. Только вытертый воротник, одна застёгнутая перчатка и сапоги, на которых серый налёт осадной извести вьелся в кожу так глубоко, что его уже не пытались счистить. За генералом стояли шесть офицеров. Двое были со следами недавних ранений. Один держал знамя без намерения.

Когда опустили сходни, Траунс сначала посмотрел на футляр с губернаторской печатью у пояса Артёма и лишь затем — ему в лицо.

— Господин наместник. Добро пожаловать в Твердыню.

Он склонил голову ровно настолько, насколько требовал устав при встрече представителя императора. Артёму — ничего сверх этого.

— Лорд-генерал. Благодарю, что сохранили город для гражданской передачи.

— Я сохранил достаточную часть, чтобы вам было чем управлять.

Траунс сказал это без вызова. Рядом с причалом чернел остов сгоревшего склада, и попытка приукрасить ответ прозвучала бы оскорбительнее прямого.

Эльза приняла приветствие генерала с безупречной вежливостью. Траунс коснулся губами воздуха над её перчаткой.

— Леди Кассин. Не ожидал, что северные ветра покажутся вам привлекательнее столичного сезона.

— Я всегда предпочитала места, где решения уже приняты, но последствия ещё можно распределить.

Один из офицеров едва заметно изменился в лице. Траунс — нет.

— Тогда вы приехали как раз вовремя.

На походном столе под навесом лежала плоская чернотальная пластина передачи. С одной стороны в неё был вставлен знак осадного командования, с другой оставалось гнездо для гражданской печати.

Траунс снял правую перчатку. На ладони и у основания пальцев тянулись старые белые рубцы. Он положил руку на свой знак.

— Я, Траунс Валенсий, командующий Северной армией, передаю гражданское управление Твердыней и провинцией Норланн назначенному наместнику Артёму Кассину в пределах полномочий, данных ему императорской печатью.

Формула была точной. Даже слишком точной. В ней не прозвучало ни слова о полном объёме власти.

Артём вставил свою печать в свободное гнездо.

Черноталь нагрелась под пальцами. Серебряная нить на её ободке двинулась дальше, дошла до прежнего разрыва и остановилась. Волос оставался волосом, но теперь Артём видел его слишком отчётливо.

— Передачу принимаю, — произнёс он. — Обязуюсь исполнять императорское право, сохранять мир и отвечать за гражданское управление провинцией.

Пластина издала низкий металлический звук. Знак Траунса потемнел. Печать Артёма осталась тёплой.

Церемония завершилась.

Илар первым поставил подпись в бумажном реестре. Затем расписались два армейских писаря. Независимого местного свидетеля не было.

— Где представители города? — спросил Артём.

— В городе.

— Я заметил.

— Тогда вопрос был не о месте их нахождения.

— Вопрос был о том, почему они не участвуют в передаче гражданской власти.

Траунс надел перчатку.

— Потому что не считают эту власть своей.

— Семь месяцев прошло после капитуляции.

— За семь месяцев ребёнок привыкает к новой няньке. Побеждённая страна — не всегда.

— Вы должны были сформировать временный совет.

— Сформировал. Двух его членов зарезали, один бесследно исчез. Остальные согласны заседать только без имперской стражи, имперских писарей и решений, которые могут вступить в силу.

— И вы распустили совет?

— Я командую армией. Совет, который не может решить, кому принадлежит сгоревшая пекарня, не входит в число противников, которых меня учили побеждать.

В голосе генерала не было ни насмешки, ни извинения. Он сообщал предел собственной полезности.

— Мне понадобятся списки заключённых, реквизиций, продовольственных запасов и занятых армией домов, — сказал Артём. — К утру.

— Получите.

— А также все материалы по убийству ревизора.

— Получите то, что у нас есть.

— Капитан Данн сообщил, что вывод о виновности мятежников сделали до осмотра тел.

— В Норланне мятежники обычно оказываются разумным предположением.

— Предположение не является выводом.

Траунс посмотрел на него внимательнее.

— Для суда — нет. Для человека, которому нужно удержать город до утра, — иногда.

— Война окончена.

— Осада столицы окончена, — поправил генерал.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга. Потом Траунс развернулся к городу.

— Твердыня покорилась моей армии, господин наместник. Вам ещё предстоит выяснить, подчинится ли она вашему закону.

— Закон не требует любви.

— Нет. Только людей, готовых его исполнять.

Траунс жестом пригласил его к воротам.

За шеренгами солдат Артём увидел виселицы.

Их поставили недавно. Светлое дерево ещё не успело потемнеть от морской сырости.

Под перекладной ждали семеро задержанных: пять мужчин, женщина и мальчишка лет шестнадцати. Руки связаны, на шеях деревянные таблички с одинаковым словом на имперском языке — МЯТЕЖ. У женщины была разбита губа. Один мужчина не мог стоять без помощи соседей.

Военный комендант вышел навстречу с чернотальной пластиной приговора. Артём не запомнил его лицо сразу; сначала увидел документ.

Семь имён были вписаны одной рукой. Обвинение занимало две строки: участие в вооружённом сопротивлении, содействие убийству государственного ревизора. Ни отдельных деяний, ни показаний, ни указания на найденное оружие.

В нижней части пластины уже стояла печать военного суда. Для исполнения после передачи города гражданской власти требовалось подтверждение наместника.

Первым решением, которое его печать должна была утвердить в Норланне, становилась казнь.

— Когда состоялось слушание? — спросил Артём.

— Ночью, господин губернатор.

— По какому обвинению?

— Нападение на императорского ревизора, убийство его охраны и участие в мятеже.

— Тела ревизора и его людей нашли только сегодня утром.

Комендант помедлил.

— После нападения они не вернулись. Было ясно, что произошло.

— Ясно кому?

— Нападение совершили открыто. Его видели десятки людей.

— Кто-нибудь из этих десятков опознал обвиняемых?

— Разъезд задержал их неподалёку от северной дороги.

— Это не ответ на мой вопрос.

Комендант выпрямился ещё сильнее.

— Прямого опознания не было. Но при одном обнаружили знак Клятвы Камня. Двое пытались скрыться. Этот, — он указал на мужчину, державшегося за соседа, — признал связь с мятежниками.

— На момент слушания ревизор считался пропавшим, тела ещё не осмотрели, обвиняемых никто не опознал. И всё же вы успели осудить их за убийство.

— Обстоятельства не оставляли сомнений.

— Если сомнений не было, зачем понадобилось слушание?

Комендант промолчал.

— Их допрашивали по отдельности? — продолжил Артём.

— Дело общее.

— Признания записаны дословно?

— Их показания занесены в протокол.

— Когда этот человек получил повреждения?

— При задержании. Он сопротивлялся.

— Разумеется.

Слово прозвучало суше, чем Артём хотел.

Он посмотрел на заключённых. Женщина встретила его взгляд без просьбы. Мальчишка дрожал — не от холода, несмотря на мокрую рубаху. Рядом за оцеплением стояли горожане. Никто не кричал. Их молчание было не спокойствием, а способом не дать солдатам выбрать следующего.

— Печать ревизора у них нашли?

— Нет.

— Его бумаги?

— Нет.

— Оружие охраны?

— Нет.

— Следы крови?

— Они были задержаны после дождя.

— Независимый Свидетель присутствовал на слушании?

Комендант помедлил.

— При военном производстве свидетельство разъезда считается достаточным.

— Я спросил не о достаточности.

— Нет.

Артём протянул руку. Комендант передал ему пластину.

Она была холодной. Военная печать внизу сохраняла слабый отзвук, но семь строк над ней не складывались в единое решение: отдельного свидетельства не было, пределы военного суда оставались неясны, а вина одного подменяла вину остальных. При чрезвычайных полномочиях наместник мог утвердить приговор собственной властью. Тогда его печать стала бы залогом исполнения — и ответственности.

Именно для таких случаев ему и дали чрезвычайные полномочия.

— Город должен увидеть ответ, — сказал комендант. — После убийства ревизора чиновники боятся выходить из казарм. Отмените казнь в первый день — завтра ни один доносчик не придёт к нам добровольно.

— Если казнить семерых без доказательств, доносчиков станет больше.

— Значит, порядок укрепится.

— Значит, люди научатся использовать нас для сведения счётов.

Комендант перевёл взгляд на Траунса, но генерал молчал.

Эльза подошла ближе.

— Армия ждала гражданского наместника, — сказала она негромко, только для Артёма.

— Публичный отказ от её приговора запомнят лучше любой речи.

— Приговор составлен после полуночного слушания без свидетеля.

— Я не сказала, что его нужно утверждать. Я сказала, что твой отказ тоже станет решением.

Она никогда не отговаривала его от принципов. Она лишь заранее называла цену, чтобы впоследствии он не мог притвориться, будто заплатил случайно.

Артём повернулся к Траунсу.

— Ваше мнение, лорд-генерал?

— Если хотите гражданскую власть, не просите военного выбрать ваше первое гражданское решение.

— Вы назначили казнь на день моего прибытия.

— Я назначил исполнение на последний день своей ответственности. Вы прибыли до полудня.

Это могло быть испытанием. Могло быть попыткой переложить кровь на новую печать. Могло быть простой привычкой генерала заканчивать начатое. Артём не знал Траунса достаточно хорошо, чтобы выбрать объяснение, а потому не выбрал ни одного.

Он достал печать.

Семеро заключённых смотрели на его руку. Толпа — тоже. Для большинства из них кусок чернотали означал не закон, а человека, которому позволено решать, кто доживёт до вечера.

Артём поднёс печать к пластине. Металл в его ладони привычно нагрелся, но отгиск не возник. Требовалось надавить сильнее и принять недостаток процедуры на собственный залог.

Он убрал руку.

— Исполнение приговора приостанавливается.

Комендант побледнел.

За оцеплением кто-то шумно выдохнул. Ни благодарности, ни радостного крика.

— Господин губернатор...

— Обвинения разделить. По каждому назвать конкретное действие, место, время и свидетелей. Задержанных осмотреть лекарю. Признания, полученные до осмотра, не использовать без повторного подтверждения. На допросах должны присутствовать гражданский писарь и переводчик.

— Они мятежники.

— Возможно.

— Вы их освобождаете?

— Нет. Я даю обвинению три дня представить доказательства. До этого они остаются под стражей и отвечают за попытку побега на общих основаниях.

Женщина с разбитой губой отвернулась. Для неё разница между справедливостью и отсрочкой, вероятно, выглядела незначительней, чем для Артёма.

Он вернул пластину коменданту.

— Я не признаю их невиновными. Я отказываюсь начинать правление с приговора, в котором не указано, кто именно и что именно совершил.

— Это будет воспринято как слабость.

— В таком случае через три дня у вас будет возможность представить сильные доказательства.

Комендант прижал пластину к груди и отдал честь. В его лице появилась та особая неподвижность, с которой чиновники запоминали оскорбление для будущего рапорта.

Траунс приказал снять петли. Не виселицы — только петли. Деревянные перекладины остались стоять у ворот, светлые и новые.

Город не приветствовал Артёма. Он его учитывал.

Люди смотрели из окон, из-за прилавок и с лестниц, соединявших разные ярусы Твердыни. Кто-то снимал шапку перед имперским знаменем, но никто не кланялся наместнику. На перекрёстках белели свежие объявления, развешанные имперской армией уже после взятия города: приказы о комендантском часе, сдаче оружия и поставках для гарнизона. Имперский текст был напечатан ровными строками, норрский перевод вписан от руки — торопливо и заметно короче оригинала.

У военного склада стояла очередь за хлебом. Верёвка делила её надвое: семьи гарнизона слева, жители города справа. Имперская половина двигалась быстрее.

Артём отметил необходимость объединить выдачу и проверить нормы. Затем заметил женщину, которая вышла из левой очереди, получила две буханки и одну незаметно передала старухе справа. Солдат на входе отвернулся.

Такие действия не попадали в реестры, но город, вероятно, держался именно на них.

Нижние кварталы пахли рыбой, углём и мокрой древесиной. Выше начинался камень. На стенах домов виднелись прямоугольные следы снятых родовых знаков. На дверях — белые номера военных реквизиций. В одном из занятых домов имперский офицер сушил детскую рубашку рядом со своим плащом. Артём не понял, принадлежала ли рубашка его ребёнку или прежним хозяевам.

Он составлял в уме первый перечень распоряжений. Проверка реквизиций. Возвращение пустующих мастерских. Гражданский учёт продовольствия. Запрет на расквартирование в домах вдов. Единые правила для городских и имперских торговцев.

Задач было много. Это успокаивало.

От гавани дорога поднималась к верхнему городу длинными уступами. Траунс шёл рядом с Артёмом, показывая здания, в которых уже разместились имперские учреждения, и коротко называл те, куда новым чиновникам пока лучше было не входить без охраны.

Не доходя до ворот, процессию догнал капитан Данн. Он поднялся от гавани быстрым шагом, вместе с четырьмя солдатами, оставленными при корабле Артёма для охраны багажа и архивных ящиков.

— Разгрузка закончена, лорд-генерал. Людей наместника разместят до вечера.

Траунс кивнул в сторону ворот.

— Тогда проводите процессию до цитадели. Верхний город вы знаете лучше их.

Данн отдал честь и занял место впереди сопровождающих.

У ворот верхнего города процессия остановилась.

Имперцы установили на створках новую черностальную скобу. Артём приложил губернаторскую печать. Скоба отозвалась ясным звоном и раскрылась.

Сами ворота не двинулись.

Седой старик в сером плаще вышел из караульной ниши, вставил в каменный механизм длинный железный ключ и навалился на ворот вместе с двумя солдатами. Где-то внутри стены заскрежетали шестерни. Створки медленно разошлись.

— Замок признал меня, — сказал Артём.

— Замок поставили наши кузнецы, — ответил Траунс.

— А ворота?

Генерал посмотрел на древние плиты, испещрённые почти стёртыми именами.

— Наша сталь признала вас. Их камень пока нет.

Артём провёл большим пальцем по ободу печати. Серебристая нить по-прежнему не замыкалась.

— Значит, городские якоря нуждаются в восстановлении.

— Несомненно.

Траунс произнёс это так, что простое согласие стало предупреждением.

Когда процессия вошла под свод, из толпы донеслось короткое слово на норрском языке. Стражники обернулись. Один указал на мальчишку в кожаном фартуке, но тот уже исчез между телегами.

— Что он сказал? — спросил Артём.

— «Поздно», — ответила Эльза прежде, чем он успел подозвать переводчика. Норрское слово она повторила без акцента.

Артём посмотрел на неё.

— Ты знаешь язык?

— Достаточно, чтобы отличить угрозу от предупреждения.

— И что это было?

Эльза проводила взглядом переулок, в котором скрылся мальчишка, и едва заметно улыбнулась.

— Пока не знаю.

Капитан Данн приказал проверить переулок.

— Отменить, — сказал Артём.

— Господин губернатор, он мог быть связным.

— Тогда ваши люди не найдут его после крика на площади. А если он просто ученик кожевника, я не желаю начинать обыск верхнего города из-за одного слова.

Данн остановил солдат.

Ворота закрылись за процессией вручную. Новый черностальный замок защёлкнулся сам.

Кабинет прежнего князя оказался меньше приёмной Верховного законодателя в столице.

На стене остался выцветший прямоугольник от снятого герба. Имперский портрет не закрывал его целиком, и вокруг позолоченной рамы виднелась более тёмная краска — силуэт отсутствующего символа, оказавшегося крупнее нового. Карту Норланна заменили схемой рудников чернотали. Крепёж старой карты не вынули; два пустых крюка торчали над северной границей.

Письменный стол был тяжёлым, из каменного дуба, с порезами на краю. Здесь покойный князь, вероятно, подписывал приказы об обороне. Теперь Илар раскладывал на той же поверхности первые распоряжения имперского губернатора.

Артём прочитал их по порядку.

Приостановление казни. Сохранение тел ревизора и охраны. Изъятие портовых журналов для копирования. Полный список заключённых. Начало передачи гражданских учреждений. Запрос по реквизированным домам.

— В донесении императору я написал, что провинция принята от военного командования в удовлетворительном состоянии, — сказал Илар.

Артём посмотрел на карту рудников.

— Гражданские суды не работают, казна не пересчитана, императорский ревизор убит. Что именно вы находите удовлетворительным?

— Это стандартная формулировка. Она не вызывает лишних вопросов при дворе.

— Замените её на: «провинция находится в состоянии перехода от военного к гражданскому управлению».

Илар помедлил.

— Такая запись может выглядеть как признание того, что генерал Траунс не сумел восстановить порядок.

— Я описываю состояние провинции, а не оцениваю действия генерала.

— В столице между описанием и обвинением иногда нет разницы. Особенно если обвиняемый достаточно влиятелен.

Артём поднял глаза. Илар уже склонился над бумагами, будто последнее замечание принадлежало кому-то другому.

— Оставьте формулировку о переходном управлении.

— Да, господин наместник.

Илар собрал подписанные распоряжения и вышел. Печать после шестого оттиска уже стала прохладной. Незамкнутая линия ощущалась под пальцем, хотя Артём не смотрел на неё.

Эльза стояла у окна. Внизу зажигались огни нижнего города. Имперские казармы освещались ровными рядами. В местных кварталах свет появлялся отдельными окнами, как будто каждый дом принимал решение независимо от соседей.

— За один день ты поставил под сомнение военный суд, официальную версию убийства и способность армии управлять городом, — сказала она.

— Армия сама признаёт, что не способна им управлять.

— Траунс признаёт. Его офицеры запомнят другое.

— Я не приехал нравиться офицерам.

— Конечно. Ты приехал нравиться императору.

Артём закрыл футляр с печатью.

— Император прислал меня восстановить здесь закон, а не ставить печать под приговорами без доказательств.

— А если он ждёт, что ты просто узаконишь всё, что армия уже сделала?

— Без доказательств это будет не закон, а произвол.

— Вот именно. Ты хочешь добиться справедливости. Императору может быть достаточно, чтобы победа выглядела законной на бумаге.

— На одном произволе власть долго не продержится.

— Продержится, если оставить здесь достаточно солдат.

— Тогда война не закончилась.

Эльза посмотрела на огни за городскими воротами.

— Для людей, которые там живут, она и не заканчивалась.

В дверь постучали.

Капитан Данн вошёл без плаща. На плече его мундира темнело влажное пятно.

— Господин губернатор. На внутренней стене появилась надпись.

— Угроза?

— Не совсем.

— Призыв к восстанию?

— Думаю, вам лучше увидеть.

Надпись была видна из западной галереи цитадели.

Кто-то забрался на участок стены между двумя сторожевыми башнями, обошёл патрули и вывел слова белой известью поверх старой копоти. Первая строка была написана на имперском языке. Под ней повторялось то же самое угловатыми норрскими знаками.

ЗАКОН ПРИШЁЛ ПОСЛЕ МЕЧА.

Внизу уже собрались солдаты. Один принёс ведро с водой, другой — длинную щётку.

— Стереть? — спросил Данн.

Артём перечитал надпись. Автор хотел, чтобы её поняли и норрцы, и имперские солдаты.

— Сначала точно скопируйте. Буквы, размер, расположение. Проверьте ночные обходы. Дома без оснований не обыскивать.

Данн посмотрел на ведро.

— А потом стереть?

Надпись следовало убрать, пока она не стала символом. Но город уже увидел её. Солдаты тоже.

— Утром.

Капитан отдал честь и спустился.

Артём остался в галерее один. Ветер с моря тянул сыростью и гарью. Внизу лежал город, который он собирался накормить, восстановить и приучить к единому закону Империи. Всё это будет трудно и дорого, но пока ещё возможно.

Надпись на стене говорила, что имперский закон нужен лишь для оправдания завоевания. Артём хотел доказать обратное: меч захватил Норланн, но закон должен был закончить войну.

Однако в первый день он увидел убитого ревизора, приговор без доказательств и город, которым по-прежнему управляли солдаты.

Пока что надпись была права.

Конец первой главы.

ИЗ АРХИВА

Из «Краткого наставления Палаты печатей»

Печать не создаёт право. Она сохраняет клятву в тот миг, когда та была произнесена и признана. Для этого необходимы тот, кто устанавливает обязательство, тот, кто его принимает, точно названные владения или предмет, независимый свидетель и материальный якорь. В Империи таким якорем обычно служит печать из чернотали — редкого северного металла, способного годами удерживать силу договора. Скреплённое печатью право может запирать казну, открывать городские ворота, подтверждать полномочия судьи или лишать приказ законной силы. Однако печать не отличает справедливый закон от жестокого. Она подтверждает лишь то, что договор был заключён по установленным правилам. Клятва, данная п

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.